

На игровой панели строчка ****[Проклятие любви Сатору Годзё]**** бесследно исчезла. Но, должно быть, из-за того, что А-Эр умудрился один за другим посетить духовные миры двух сущностей высшего порядка, его скрытые характеристики сопротивляемости, отмеченные знаками вопросов, заметно выросли. В тот же миг перед глазами вспыхнули новые строки:

****[Поздравляем! Степень синхронизации с личностью «Камилла» увеличилась на 50%]****

****[Текущая синхронизация: 80%]****

Прибавка оказалась колоссальной. Прежде А-Эр безуспешно ломал голову над тем, как поднять слишком низкую синхронизацию с Камиллой — ведь стоило ему переключиться на этого персонажа, как сознание тут же тонуло во тьме, подчиняясь первобытным звериным инстинктам. Он и надеяться не смел, что показатель разом подскочит до столь высокой отметки.

Он поднял голову, оглядываясь. Вокруг расстился все тот же пейзаж: безбрежное, уходящее за горизонт море, сиротливый клочок суши посреди воды и возвышающееся на нем исполинское дерево.

Водная гладь казалась безмятежной, сонной. Ничто на поверхности не выдавало той темной, яростной бездны, что таилась на глубине — бездны, способной лишить рассудка даже Сидзу, чья ментальная стойкость ковалась веками скитаний.

Как бы тщательно он ни скрывал свои шрамы, собственный разум солгать не мог.

Вспомнив обрывки чужой памяти, затерянные в морской пучине, А-Эр тихо прошептал:

— Все явленное — как сон, как призрачная тень, как пузырь на воде, как мимолетная роса и блеск молнии. Лишь так начертано созерцать этот мир.

Вновь переведя взгляд на Рико, безвольно лежащую под кроной исполинского дерева, он добавил:

— Но ты ведь так и не смогла отпустить это, верно, А-Си?

Мир вокруг замер, скованный могильной тишиной. Смолк даже шепот прибоя. Но мгновение спустя океан вздыбился, обрушивая на сушу всю свою колоссальную мощь. Ревущие волны ринулись вперед, грозя поглотить крошечный островок вместе с небом. Духовное пространство А-Си содрогнулось, заходило ходуном. Медлить было нельзя: еще немного, и А-Эр либо навсегда останется узником этого рушащегося разума, либо его попросту выбросит наружу.

А-Эр бежал изо всех сил. Он продирался сквозь хлещущие потоки, борясь с невидимой, вязкой силой, которая мертвой хваткой тянула его назад, пытаясь остановить. Но внутри него яростным пламенем горели воля и сама душа — пожар, который не под силу было потушить

даже этой взбесившейся стихии.

Возможно, из-за того, что духовный мир балансировал на грани полного краха, бесконечное расстояние наконец сократилось. Ни шторм, ни ветер не смогли преградить ему путь. Едва дыша от усталости, А-Эр рухнул у корней дерева, где в глубоком забытии лежала Рико Аманай.

На ней не было ни царапины, лишь пряди волос потемнели от влаги. А-Си оберегала девочку с трогательной, почти болезненной нежностью, словно хрупкую белую лилию, готовую увянуть от малейшего дуновения.

— Рико! — А-Эр осторожно встряхнул ее за плечи, но девочка не реагировала. Сколь бы громко он ни звал ее, она не возвращалась в сознание.

Дело было плохо. Очевидно, слияние Рико с Тэнгэном уже началось. Чтобы вырвать ее из этих тисков, требовалось докопаться до самой сути личности А-Си.

Но где искать ее истинное «я»?

Формально все это пространство и было разумом А-Си, но у любого духовного мира есть ядро. Без него разрушить технику было невозможно.

Этим ядром могло оказаться что угодно: сухая ветка, опавший лист или неприметная капля воды среди бушующего океана. Искать его здесь — все равно что шарить вслепую на дне морском.

В этот миг в его мыслях яркой вспышкой промелькнула старая фраза:

* «Проклятые близнецы, испив чашу страданий до дна, решили принять смерть под сенью того самого древа, что даровало им жизнь, дабы воссоединиться навек...»*

Догадка молнией пронзила сознание. А-Эр опустился на колени рядом с Рико и принялся неистово, голыми руками разрывать землю.

Пальцы вонзались в податливую, влажную почву. Он горстями выгребал сырую грязь — к счастью, обошлось без мерзких многоножек и червей. Пальцы быстро стерлись в кровь. В воздухе разлился тяжелый, удушливый запах: металлическая сладость крови смешалась с солью штормового моря и прелой сыростью развороченной земли.

Трудно сказать, почему в мире иллюзий он чувствовал вполне осязаемую физическую боль — вероятно, ментальные увечья проецировались на его призрачное тело.

Но душевные муки всегда страшнее плотских. В реальности Сидзу почти не чувствовал боли и

был лишен вкуса, однако сейчас раскаленные иглы вонзались прямо в мозг, выжигая мысли и заставляя уши звенеть от напряжения.

И все же, как разъяренная стихия не смогла сдержать его натиск, так и боль не заставила его отступить. Ногти трескались и сходили с мяса, но он продолжал копать. Срывая лоскуты окровавленной кожи, обнажая белеющие суставы пальцев, он рыл землю до тех пор, пока его изувеченные ладони не коснулись чего-то мягкого. В глубокой яме, свернувшись калачиком, спала маленькая девочка.

Она спала так же беспробудно, как и А-Си. В ее подсознании дитя все еще носило древние одежды тысячелетней давности; спутанные длинные волосы разметались по лицу, но даже сквозь дремоту в ее облике сквозила первобытная, дикая грация.

Прижав ее к груди, А-Эр зажмурился. Из глаз его готовы были хлынуть слезы облегчения.

— Наконец-то... Наконец-то я нашел тебя, — прошептал он дрожащим голосом.

Спустя целое тысячелетие он вновь обрел истинную А-Си.

В эти чертоги разума Системе путь был заказан, однако интерфейс игрового меню по-прежнему отзывался на мысленные команды. Открыв инвентарь, А-Эр извлек оттуда покрытый вековой пылью кинжал — ****[Разрушитель правил (модифицированная версия)]**** — и без колебаний вонзил его лезвие в грудь А-Си.

Раздался оглушительный хруст, будто треснуло само мироздание. Сдерживающая техника Тэнгэна разлетелась вдребезги, увлекая за собой все барьеры, что она возводила веками.

В реальном мире исполинское древо начало стремительно усыхать. Опутавшие пленников лианы безвольно разжались, отпуская людей. Шаманы бросились вперед, подхватывая падающие с высоты тела.

К счастью, обошлось без жертв. Сатору Годзё вовремя среагировал: перехватив падающих А-Эра и Рико, он мягко опустил их на землю.

Исполинский ствол вдалеке уменьшился до размеров человеческого роста и начал плавно трансформироваться, обретая очертания девичьей фигуры.

Это была Тэнгэн. Вернее, сама А-Си. Со стеклянным, невидящим взглядом она поднялась на ноги, растерянно озираясь вокруг.

Собравшиеся вокруг шаманы в ужасе пятились, не смея отвести от нее глаз.

Рико Аманай медленно открыла глаза. В их сапфировой глубине еще блуждала сонная дымка; она чувствовала себя слабой и беззащитной, словно новорожденный ягненок. Моргнув, девочка приподнялась на локтях, собираясь спросить А-Эра о том, что произошло, но осеклась, заметив неподалеку темноволосую незнакомку со спутанными прядями.

Какая-то неведомая, магнетическая сила заставила ее подняться и сделать первый шаг навстречу.

Две девушки — такие разные по возрасту, внешности и судьбе — застыли друг напротив друга. В повисшем молчании Рико, робея, тихо произнесла:

— Меня зовут Рико Аманай. А тебя?

А-Си безмолвно смотрела на нее. Лицо ее оставалось бесстрастной маской, но из уголков глаз по щекам медленно покатались прозрачные слезы.

— А-Си, — едва слышно прошептала она. — Мое имя — А-Си.

Наблюдая за ними со стороны, А-Эр мягко улыбнулся и пробормотал себе под нос:

— Все-таки... будь у тебя выбор, я бы очень хотел, чтобы ты прожила простую, мирную жизнь.

Но останется ли прежней А-Си, лишившись своей проклятой техники? И можно ли считать реинкарнацию ее сестры-близнеца все той же сестрой?

"Снова старая дилемма о корабле Тесея?" — отозвался в его разуме голос Системы.

А-Эр растерянно взъерошил волосы.

— Да ну тебя, я в этом не силен! Никогда о таком не думал.

В прошлой жизни он рос запертым в холодных стенах лаборатории, привыкнув к молчанию. А после перерождения все его время уходило на то, чтобы скрывать собственную чужеродность и прикрывать спины своих чересчур благородных братьев и сестер. Ему попросту некогда было предаваться высоким философским размышлениям.

Прошное научило его легко отпускать людей и вещи. Он не умел долго цепляться за привязанности, и пока дело не касалось его внутренних принципов, он легко соглашался с чужим мнением.

"Ну еще бы, ты ведь у нас непроходимый дурак", — фыркнула Система.

А-Эр вздохнул.

— Пусть так. Это лишь моя эгоистичная прихоть. Даже если она теперь совсем другая, я хочу, чтобы плевать она хотела на долг, на судьбу и спасение мира. Пусть решает сама, чего хочет ее сердце. И хотя бы в этот раз... пусть они с сестрой просто узнают друг друга заново.

Перед глазами невольно всплыло детское, мягкое лицо Кэндзяку. А-Эр поймал себя на мысли:

«А если бы тогда...»

Впрочем, пустые сожаления ни к чему не приведут.

"Какие же вы, люди, хлопотные создания. Вечно усложняете очевидное", — проворчала Система.

— Наверное, именно потому, что мы так ничтожно малы, нам и дороги подобные мелочи, — улыбнулся он.

Перед внутренним взором промелькнули последние мгновения его прежней жизни перед смертью. Он замялся, собираясь спросить: «Система, а ты...»

Договорить ему не дал бесцеремонно ворвавшийся в его мысли Сатору Годзё. Налетев ураганом, тот сцапал А-Эра, словно шкодливого котенка за шкурку, и с любопытством принялся крутить во все стороны.

— Ого! А проклятие того, другого «меня» куда-то испарилось! Ну-ка выкладывай, что ты там натворил внутри? — с явным весельем в голосе выдал Сатору.

— Да так... всякого понемногу, — уклонился от прямого ответа А-Эр.

Как ни странно, осознав, что незримая связь, связывавшая его с Сатору на протяжении тысячи лет, окончательно оборвалась, он ощутил в груди странную, щемящую пустоту.

Сатору Годзё моментально уловил эту перемену. С лукавой ухмылкой он протянул:

— Что, тоскливо стало? Хочешь, я тебе новенькое проклятие организую? Чисто от себя.

А-Эр беззлобно шлепнул его по затылку.

Вечно этот несносный мальчишка скалится и паясничает.

Вдоволь надурочившись, Годзё внезапно посерьезнел. Внимательно всмотревшись в А-Эра, он тихо констатировал:

— Твоя оболочка на пределе. Скоро она распадется.

А-Эр лишь молча кивнул. Удивляться тут было нечему: его дух только что совершил марш-бросок по сознаниям двух сверхсуществ — пусть одно из них и не завершило эволюцию, насильно возвращенное к человеческой форме. Хлипкое тело проклятого духа просто физически не могло выдержать подобных колоссальных нагрузок.

С падением барьеров Тэнгэна его потянула вперед непреодолимая сила, похожая на ту магнетическую тягу, что возникла мгновение назад между Рико и А-Си. Но это притяжение было во сто крат мощнее всего, что он когда-либо испытывал к Кэндзяку. Безумное, всепоглощающее желание слиться со своей истинной сутью затопило его разум.

Барьеры Тэнгэна были последней преградой на пути к полному слиянию двух расколотых миров. Теперь ничто не мешало ему вернуться к Кадзуме Арааки. К самому себе.

Заметив, как расслабилось лицо А-Эра, Сатору Годзё, даже не зная всех деталей его замысла, понял: эта вольная птица вновь собирается расправить крылья и упорхнуть навстречу своей цели. Он недовольно фыркнул:

— И что мне теперь сказать на прощание? «Нагуляешься — возвращайся домой»?

А-Эр едва не поперхнулся от такой формулировки. Однако драгоценные секунды таяли на глазах. Опережая неизбежное, он успел лишь бросить:

— Позаботься о Рико и А-Си. Оставляю их на тебя.

Сатору Годзё небрежно отмахнулся:

— Да не переживай ты так! Прорвемся.

Слышать это от сильнейшего было лучшей гарантией. А-Эр со спокойной душой закрыл глаза.

Он не стал пытаться удержать тающие крохи проклятой энергии, чтобы вылепить новую эфемерную плоть. Резервы были вычерпаны до дна.

Позволив нити родства душ вести себя сквозь нахлынувшую тьму, он вновь открыл глаза.

Как и ожидалось, когда мрак рассеялся, он очнулся в своей «прошлой» оболочке — той самой, что когда-то была заживо предана огню.

Будучи еще в теле Кадзумы Арааки, он видел через экраны мониторов в мире снов погруженного в питательный раствор темноволосого мужчину. Это был он.

Обугленная плоть тогда чудом избежала тления — то ли из-за его полупроклятой природы, то ли благодаря уникальным системным свойствам Игрока. Так или иначе, Сиро Куросава и Рэнъя Карасума втайне вывезли его останки, укрыв в самых недрах секретного научного комплекса. Многолетнее долголетие Карасумы во многом держалось именно на экспериментах, проводимых над этой бессмертной плотью.

Ощувив небывалую легкость, А-Эр одним мощным ударом разбил прочное стекло капсулы. Хлынул поток жидкости, и он рванулся вперед, вон из стерильного плена коридоров — точно так же, как когда-то в детстве маленький Кадзума бежал прочь из своей клетки. Он отчаянно стремился воссоединиться со своим истинным «я».

Кадзума Арааки, потерявший сознание после тяжелого разговора с Рэнъей Карасумой, находился в этой же лаборатории. Следуя за биением родственного сердца, А-Эр ворвался в нужный отсек и замер перед резервуаром, где покоилось бледное тело Кадзумы.

Он шагнул навстречу и крепко обнял самого себя.

Два разрозненных мира наконец слились в единое целое.

<http://bllate.org/book/18335/1760513>